

К.Ш. Хафизова

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦІЙ МЕЖДУ ДИНАСТІЕЙ ЧЖОУ И ЗАПАДНЫМ КРАЕМ

Археологические находки на территории от Волги до Алтая, богатые и оригинальные предметы быта и культа, обнаруженные в древних захоронениях, говорят о самобытной культуре, сопутствующей скотоводческому и скотоводческо-земледельческому хозяйству населения этого обширного пространства. Обнаруженные памятники материальной культуры предоставляют неопровержимые доказательства существовавших в древности торговых и культурных связей племен Центральной Азии с племенами, проживавшими в долине Желтой реки (Хуанхэ). Что касается мифов и легенд, они скорее отражают различие между “чужими” и “своими”, причем это различие говорит не в пользу “чужих”. Однако все еще не известно, с какого точно времени стали фиксироваться эти связи в письменных источниках вначале, естественно, в виде кратких хронологических записей. И поэтому неясно, на сколько веков вглубь можно протянуть эти связи на основании письменных источников. В историографии утвердилось мнение, что контакты между владениями Центральной и Южной Азии с Китаем установились в эпоху Хань, когда знаменитый китайский дипломат Чжан Цянь открыл Западный край. Он совершил два путешествия на Запад (в Сиюй) в 139 г. до н.э. и в 115 (либо 116) г. до н.э., что положило начало установлению политических, военных, культурных и экономических связей Ханьской империи с государственными образованиями Центральной Азии. Причем эти владения до включения государств Срединной Китайской равнины в систему международных отношений в Центральной Азии имели между собой тесные сношения. Об этом довольно подробно написано в “Ши цзи” (Исторические записки) Сыма Цяня и в двух династийных историях Хань – “Хань шу” Бань Гу и “Хоу Хань шу” Фань Е.

Имеется еще более древний источник – “Му Тянь-цзы чжуань” (Повествование о

Сыне Неба Му – далее МЧ), который дает основание предполагать, что установление связей древнего Китая с Центральной Азией произошло раньше – минимум на сто, а максимум – на тысячу лет. Это зависит от датировки источника и надежного установления его идентичности. Китайские ученые знали этот источник и под другими названиями: “Чжоу Му-ван ю син цзи” (Записки путешествия чжоуского вана Му), “Чжоу ван чжуань” (Повествование о правителе Чжоу). Уже в самом наименовании источника отражены различные мнения: одни ученые относят событие к чжоускому периоду, а другие ограничиваются лишь именем героя; называют героя ваном (правителем, вождем племени) и Сыном Неба (государем), что свидетельствует о разных ступенях развития государственности. Чжоу является третьим китайским государством после Ся и Шан, существовавшим в 1066 г. до н.э. – 771 г. до н.э. В китайской истории его называют Западное Чжоу, в отличие от Восточного Чжоу, правившего в 770 г. до н.э. – 256 г. до н.э. Территория Западного Чжоу охватывала бассейн реки Хуанхэ, самоназванием этнической общности этого региона было “чжоу”.

МЧ был обнаружен в III веке в многократно разграбленном до того захоронении, датированном археологами периодом Чжаньго – Борющиеся княжества (475 г. до н.э. – 221 г. до н.э.). Это было место захоронения правителя одного из княжеств периода Чжаньго, оно находится в уезде Цзисянь (бывшее Цзицзюнь) провинции Хэнань [см.: Духовная культура Китая 2008, 361–364]. Автор сочинения неизвестен. Источник предстал в виде текстов на бамбуковых дощечках, прошивка которых сгнила. Дощечки были рассыпаны по всей могиле, собрать их по порядку стоило интерпретаторам немалого труда. Лапидарность текста, стершиеся иероглифы также затрудняли определение места каждой из дощечек в связке, а потому не бесспорными являются

все без исключения переводы памятника и последовательность изложения. Сочинение первоначально составляло 5 разделов, затем в ходе работы над источником добавился еще один, озаглавленный “Смерть наложницы Му-вана госпожи Шэн” [Тянь Вэйцзян 1993, 4]. Наложница сопровождала Му-вана в его дальнем и опасном путешествии и умерла в пути. Остальные 5 свитков повествуют о путешествии Му-вана. Ориентиром для датировки источника в виде книги (копии?) является письмо, которым она написана: чжуан-цзы. Это письмо применялось уже в период Чжаньго во всех шести китайских государствах, а хронологические рамки всего этого периода охватывают два с половиной века. Однако это не снимает сомнения о времени написания источника и, тем более, о времени совершенного вана путешествия. Источник также мог быть копией с более древнего описания путешествия, либо в нем описывается более раннее путешествие.

Сохранились упоминания об источнике и его списки (копии на бумаге) XIV–XV вв. (минского) и XVIII–XIX вв. (цинского) правлений, тогда же источник стал обрабатываться в Китае комментариями, как до того – легендами и мифами. Традиция мифологизации истории и исторических личностей остается живой и сегодня. Еще Конфуций “историзировал” мифы в каноническом труде “Шу цзин”, историография древнейших цивилизаций совершала процесс от мифа к истории и от истории – снова к мифу.

Усиленно источник изучался в период Цинской империи, что вполне закономерно. В состав последнего феодального государства на территории Китая были включены территории Халха-Монголии, Джунгарского ханства и находящегося от него в зависимости Восточного Туркестана. Западный Китай является непременным атрибутом “имперскости” и “державности” государства народа хань. Поэтому понятно, что МЧ продолжает вызывать неподдельный интерес как в самом Китае, так и за его пределами, а споры о нем не утихают сегодня и не утихнут завтра.

События, описанные в сочинении, осторожные исследователи относят к III веку до н.э. [Гу си синци 1996, 46], ранее III века [Си юй тунши 1996, 46], а точнее – к периоду Чуньцю (770–476 гг. до н.э.). Наиболее ранняя датировка – X в. до н.э. В первом случае разрыв между временем

создания источника и временем его обнаружения составляет 600 лет, во втором случае – 1000 лет. Источник известен давно, но он продолжает вызывать много вопросов, только на некоторые из которых, но далеко не на все, даны различные, а порой взаимоисключающие ответы.

Главные из этих вопросов: 1) время создания памятника; 2) является ли он оригинальным источником, или подделкой ханьской эпохи; 3) аутентичность текста; 4) жанр сочинения; 5) отражает ли он подлинные события; 6) если путешествие китайского правителя было подлинным, то по какому маршруту оно было совершено; 7) местонахождение ставки “западной правительницы”; 8) как далеко простиралась владения “западной правительницы”; 9) какими народами она правила; 10) этническая принадлежность ее подвластных; 11) на каком языке изъяснялись при встрече Му Тяньцзы и правительница Запада, на каком языке они пели друг другу песни? Сегодня считается, что язык чжоусцев относится к тибетско-китайской семье языков; 12) возникает также крамольная мысль о том, являются ли чжоусцы, или правящая династия, чисто “ханьскими”, хотя несомненно и то, что чжоусцы являются предками ханьцев. Вот далеко не полный перечень вопросов. И ни на один из них нет бесспорного ответа.

Споры о том, следует ли отнести сочинение по своему стилю к художественному произведению, или к историческому, совершенно очевидно, являются некорректными применительно к древности, когда исторический, художественный и философский аспекты выступали в каждом сочинении в синкретизированном виде. Более того, неопределенность жанра сама по себе является доказательством древности источника. Много позже, в эпоху Ханьской империи (II в. до н.э. – II в. н.э.), наметилась тенденция к отделению прозы, в том числе исторической прозы, от дневниковых записей путешествий, а хронологии – от исторической прозы.

Не вызывает сомнения реальность главного героя сочинения – Му, 5-го вана дома Чжоу [Чжунго лиши няньбяо... 1994, 10]. По преданию, этот Му-ван сел на трон в возрасте 50 лет и правил приблизительно в 1001–947 гг. до н.э. Умер в возрасте почти 100 лет. Му-ван является полупоупендарной личностью, многие факты его жизни неизвестны. Достоверно известно лишь, что он

“следовал во всем велениям сердца”, страстно любил охоту, быструю езду на колесницах и путешествия, обладал поэтическим даром. Кроме него, в древней истории Китая у Сыма Цяня упоминается ещё один Му-ван. Он предпринял поход против народа “цзюань жун” (собачьих жунов-дикарей) и возвратился с богатой добычей, среди которой было сто волков белой масти и сто белых же оленей [Гу си синци 1996, 3]. Очевидно, здесь речь идет об очень ценных в ту пору тибетских волкоподобных собаках, относящихся к тотемным животным. В источнике “Чжу цзинянь” (“Бамбуковые анналы”) говорится: “На 17 день Му-ван отправился на Запад к горам Кунь-Лунь, встретился с Сиванму” [Гу си синци 1996, 3]. Горы Кунь-Лунь идентифицируются сегодня с Памиром. Однако в самом источнике говорится лишь о состоявшейся встрече, а место встречи не указано [Гу си синци 1996, 14].

Не менее легендарным является и второй главный персонаж сочинения – Сиванму. Более верным переводом ее имени мне кажется “Матушка-владычица Запада”, потому что в нашем сочинении она выступает правительницей, равной по таланту и уму “китайскому” государю и достойно принимающей его в своей ставке. Ее могущество можно считать неоспоримым хотя бы потому, что чжоуский Ван отправился на встречу с ней. Русский исследователь Э.С. Яншина, автор перевода и комментария “Шань хай цзин” называет ее Бабкой-хозяйкой Запада [Шань хай цзин 1977, 44, 106, 151, 186 и др.].

Все древние источники свидетельствуют о встрече чжоуского правителя Му-вана с “западной владычицей”. Женщины-правительницы были у древних индоиранских народов, каждый школьник знает о сакской царице Зарине, царице массагетов Томирис. Но разговор о Сиванму еще впереди. Ее имя упоминается во многих источниках – ханьских и доханьских, где она выступает то богиней, то наставницей и божеством у даосистов, то злобной колдуньей.

Естественно, трудно рассчитать, сколько километров прошел Му-ван. Его путь не был прямым, направление движения неоднократно менялось от северного на западный. Большой разницы в определении начального пункта путешествия у исследователей нет, это район Лояна или Сиани, ставка вана располагалась вблизи них, скорее всего, между ними. А вот конечным пунктом, местом встречи с Сиванму, по

мнению интерпретаторов текста, являются разные местности. Это – берег озера Зайсан [Си юй тунши 1996, 46], или Каспийского моря, либо междуречье Амударьи и Сыр-Дарьи. Не исключаются также Иссык-Куль, Тяньчи (Небесное озеро у подножия горы Богдо близ Урумчи в Синьцзяне), Кукунор (Цинхай, в пров. Цинхай), местность близ Тегерана. Упоминаются и более дальние от Китая края: междуречье Тигра и Евфрата, наконец – берег Дуная. Многие историки относят древние племена обширного региона Евразии, простирающегося от берегов Хуанхэ до Дуная, к единой культурной общности. Конечный пункт путешествия вана Му в исследованиях многих историков Востока и Запада не выходит за пределы Центральной Азии, и, в любом случае, дорога к нему не минует этот регион. Современные известные китайские историки, среди них Юй Тайшань, Ян Цзяньсинь, Тянь Вэйцзян, путешествие древнего правителя ограничивают пространством от Алтая и Тянь-Шаня до Памира.

Столь же разноречивы мнения о маршруте, по которому следовал Му Тянь-цзы. Авторы региональной истории Центральной Азии считают, что из Лояна Му-ван отправился на север провинции Шаньси, затем повернул на запад к излучине реки Хуанхэ – Хэтао (Ордос), продолжая путь на запад, он прошел горный переход в середине отрогов Алтайской гряды, достиг верховьев р. Иртыш. Здесь оказалась равнина, на которой местные племена пасли скот (коней, рогатый скот, овец) и содержали своры ценных пород собак, а также, очевидно, занимались земледелием. Продолжая путь далее на запад, Му-ван достиг владений Сиванму – Матушки-владычицы Запада на Алтае [Си юй тунши 1996, 46]. Другой предполагаемый маршрут проходил через территорию провинции Шаньси, Внутреннюю Монголию до Хэтао и далее в Нинься, Ганьсу, Цинхай и обратно в Лоян через Шаньси (все названия провинций современные. – Прим. авт.). Согласно этому мнению, Му-ван прошел путь приблизительно в 24 тыс. ли, т.е. около 12 тыс. км. Безусловно, он не мог быть идеально прямым.

Следующий предполагаемый маршрут проходит через провинции Ганьсу, Синьцзян (Яркент, Хотан, Таш-Курган на севере Кашгарии) и завершается на Памирском плато. Согласно большинству мнений китайских ученых, ставка Сиванму могла

быть на Памире, а согласно последнему китайскому исследованию, она была расположена на Алтае [Си юй тунши 1996, 46]. Итак, один из конечных пунктов путешествия Му-вана находился на границе Восточного Туркестана с Таджикистаном, а второй – на Алтае (Восточном Казахстане). Это был ареал расселения предков ирано-индийских племен.

Время в пути составило около двух лет. Китайский ученый Гу Ши считает, что Му-ван отправился в путь во 2-м месяце 989 г. до н.э., а возвратился на родину в 10-м месяце 988 г. до н.э. [Гу си синцзи 1996, 9, 23].

Горы и реки в духовной жизни чжоусцев занимали исключительно важное место. По пути своего следования Му Тяньцзы отдавал должное их богатствам, охотился на птиц и зверей, приносил немалые жертвоприношения чужестранным горам, рекам. Это, очевидно, не противоречило местным обычаям, что предполагает, что и местное население придавало этим горам и рекам сакральное значение. Непременное упоминание в источнике ритуалов жертвоприношений, перечень этих жертвоприношений во время поездки в то же время говорят в пользу древности источника, роднят записи об этом с записями оракулов на панцирях черепаха, бараньих лопатках и бронзовых сосудах.

Взобравшись на одну из горных вершин, увидев простирающийся перед ним вид, Му-ван якобы восхищенно воскликнул: “Chun-shan shi wei Tianxia zhi gao shan ye!” (Неудивительно, что Чунь-шань (Весенняя гора) является высочайшей в Поднебесной!) [Гу си синцзи 1996, 12]. В древности Поднебесной называли всю обозримую землю под куполом неба, а культ Неба не был связан с определенной этнической общностью. Гора Чунь-Шань изобиловала диковинными зверями и чудесными птицами, поэтому названа “Весенней” (Цветущей), однако мы не можем с достаточной твердостью сказать, был ли обозреваемый царем пейзаж видом на Памир, Тянь-Шань или Алтай.

Отражением культа гор (груды камней и камней) у чжоусцев, как и у народов Центральной Азии (подтверждается археологическими материалами – уборами из нефрита), является культ нефрита и яшмы. В источнике приводится множество названий нефритовых и яшмовых камней. Очевидно, это местные названия, и они пере-

даны китайскими иероглифами. Если бы не было тесных связей между царством Чжоу и племенами Центральной Азии, чжоусцы не обладали бы такими полными сведениями о нефрите и яшме. На территории царства также добывалась яшма, но лучшей издревле считалась яшма, добываемая в Хотане у рек Ак-Каш и Кара-Каш. В этом районе также проживали индоиранские племена. Восстановление древнего чтения названий этих камней, а также наименований птиц, зверей, растений, если бы это сегодня было возможно, дало бы представление о языке центральноазиатских племен, над которыми господствовала женщина-правительница. Нефрит и яшма являлись мистическими камнями-оберегами и у народов Центральной Азии, поэтому они сопровождали человека при жизни и были их спутниками в потустороннем мире. Горы в представлении древних китайцев были символом плодородия, с ними ассоциируется идея рождения. Горы находятся ближе к Небу, а Небо (мужское начало *ян*) орошает, оплодотворяет Землю (женское начало *инь*). Похоже, что в мифе о встрече наших героев обыгрывается эротический элемент – Сиванму перед встречей с Му-ваном купается в Небесном озере. Она предстает молодой – много моложе чжоуского правителя – и привлекательной женщиной.

Трудно персонифицировать Сиванму нашего источника с конкретной исторической личностью, однако не случайно встреча с ней в источнике происходит рядом с водой и горами. Многие ученые предполагают, что в ее лице выступает божество плодородия и домашнего очага индоиранского происхождения – Умай. Мифологизация реального лица, названного в источнике “Матушкой-правительницей Запада”, “Царицей Запада”, “Матерью Западных царей” – Сиванму, и перенесение на нее функций божества плодородия показывает культ прародительницы у племен Центральной Азии. Отголоски этого культа в китайских мифах проявляются в обожествлении Сиванму [Васильев 1970, 240]. Очевидно, что этого культа придерживались и чжоусцы, которые пришли в Срединную равнину откуда-то с Запада. В ханьскую эпоху образ Сиванму является весьма противоречивым. С одной стороны, она выступает учителем императора Хуан-ди в деле познания мира и получения эликсира бессмертия. А с другой стороны, облик ее предстает

внешне достаточно отвратительным. В древнейшем географическом сочинении “Шань хай цзин” говорится: “...к западу находится Нефритовая гора. Это место, где живет Сиванму, похожая на человека, но с хвостом барса, клыками как у тигра, любит свистеть; на всклокоченных волосах надежды украшения” [Шань хай цзин 1977, 44]. Это описание можно привести как доказательство того, что “Му Тянь-цзы чжуань” является более древним источником, чем “Шань хай цзин” – “Каталог гор и морей”, когда образ чужеземцев и всего чужеземного для китайцев является малопривлекательным, что было отражением великодержавной политики империи Хань. “Образ Бабушки-Хозяйки Запада был чрезвычайно популярным в древней и средневековой литературе Китая, – пишет Э.С. Яншина. – Уже в древности она известна большинству памятников как вполне очеловеченная благостная богиня – царица страны бессмертных, обладательница эликсира бессмертия... дарующая его избранным... Полузвериный облик женского божества Запада, сочетающего губительные и целительные функции (это божество, насылающее лихорадки и кары и дарующее бессмертие), является характерным для древних хтонических богов матриархальной эпохи” [Шань хай цзин 1977, 151]. Предание также гласит, что на территории пров. Ганьсу, где обитали позже юэцжи, сунну и усунь и где находилась Нефритовая гора, был построен храм Сиванму [Шань хай цзин 1977, 151]. В мифах Сиванму выступает очеловеченным персонажем. Ее образ веками трансформировался и приобрел большую популярность в китайских культурах [Васильев 1970, 239]. Можно посмотреть на ее образ и с другой стороны: Сиванму может быть мифологизированным образом реальной царицы. А поскольку древние правительницы были одновременно и главными жрицами правящего рода, отдельной этнической общности, то на них перенесли функции божества.

В любом случае, вне зависимости от точной датировки источника из его содержания явствует, что протокитайские племена имели сведения о древних индоевропейских (алтайских) племенах Центральной Азии еще до чжоуского периода.

Источник показывает, что древние кочевники были активными участниками не только политической, но и духовно-цивилизационной жизни Средней китайской равнины. Древние протоханьские племена

не были более передовыми в культурном, политическом и социально-экономическом отношении, они были равными соседним “западным” племенам.

Ставка Му-вана находилась в бассейне среднего течения реки Хуанхэ, он правил обитавшими здесь племенами. К западу, северу и востоку от этого района расселялись чужеземные для протокитайцев этнические общности. Они являлись индоевропейскими, прототибетскими, пратюркскими общностями и имели тесные связи с династией Чжоу. К примеру, “род красных воронов” (chiwushi) называл одним из своих предков представителя дома Чжоу [Гу си синци 1996, 12]. Этим объясняется гостеприимство вождя племени к Му-вану. Среди племен, кроме “чиу ши” (род красных воронов), в источнике упомянуты древние протоиранские племена “ухань” и “юйчжи”, “юй (ши)” – “юэчжи”. Некоторые комментаторы источника представляют Сиванму дочерью Му-вана, чтобы подчеркнуть родственные отношения правящих домов [Гу си синци 1996, 17]. Другие считают, что чжоусцы пришли в бассейн реки Хуанхэ из “Запада”. Теорию западного происхождения дома Чжоу и чжоусцев поддерживали выдающиеся синологи: француз Т. де Лакпури, немец Ф. Рихтгофен, англичанин Дж. Легг, русский В.П. Васильев. Известно, что первоначально чжоусцы почитали Праматерь из рода Баран, а потом уже ею стала Мать-Просо (затем Отец-Просо, Владыка-Зерно) [Степугина 1982, 162].

Индоевропейский (индийский, иранский) сегмент и сегодня отмечен фрагментами на Алтае, Восточном и Западном Тянь-Шане, Иранском плоскогорье, Памирском плато. В политическом и духовно-цивилизационном аспекте в древности он был ведущим. Между аристократическими домами индоевропейских и протокитайских племен заключались браки, производился обмен товарами.

Китайцам были известны эти племена либо со слов выезжавших в эти земли соотечественников, либо от прибывавших представителей чужеземцев. Му-ван не мог выехать в дальний и опасный путь, основательно не подготовившись к нему, не разработав приблизительный маршрут, а уж, тем более, конечные цели этой поездки ему были ведомы с самого начала. Были в его распоряжении и сведения о путешествиях на Запад его предшественников, хотя, может быть, и не в столь отдаленные места. Не случайно сохранился миф о хожде-

нии на Запад мифического героя-охотника по имени И за эликсиром бессмертия.

Му-ван отправился в путь на 8 “хороших конях”, каждый из которых имел собственное прозвище: Красный скакун (Красный породистый), Украденный вороной (Украденный черный жемчуг), Белый добровольный (Белый добровольный дар), Превосходное колесо, Гора, Большой желтый, Цветной скакун (Хуалю – добрый скакун, легендарный конь. – *Прим. авт.*), Зеленое ухо [Тянь Вэйцзян 1993, 5]. С собой Му-ван вез большое количество подарков, среди которых значительное место занимало золото, которым он одаривал племена, а также расплачивался за предоставление проводников и радужный прием.

По заключению Сыма Цяня, принципом династии Чжоу при ее воцарении была провозглашена цивилизация (культура – *вэнь хуа*), династия пала в результате отхода от этого своего первоначального принци-

па. Очевидно, этим принципом в своем правлении руководствовался правитель Му. Пренебрежительные названия северных племен словом *ди*, южных – *мань*, а западных – *сюй*, вероятно, вошли в обиход позже, уже при правителях Восточной Чжоу. Отсутствие их в источнике о путешествии также косвенно свидетельствуют об отражении в нем действительных событий.

В поведении чжоуского правителя не проявляется и тени превосходства по отношению к племенам Центральной Азии, что было характерно для позднего периода Чжоу, а также эпохи Хань на рубеже тысячелетий. Более того, Му повсюду явно демонстрирует уважение и почет местным правителям и их божествам. Это говорит не только о добрых отношениях дома Чжоу с владельцами разных земель, но и о некоторой космополитичности этого дома, имеющего “западные” корни и сохранившего память об этом.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. Москва, 1970.

Гу си синци (Записи о путешествиях на Запад в древности) / Отв. ред. Ян Цзяньсинь. 2 изд. Иньчуан, 1996.

Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах / Гл. редактор М.Л. Титаренко. Т. III. Москва, 2008.

Си юй тунши (Региональная история Западного края) / Отв. ред. Юй Тайшань. Пекин, 1996.

Степугина Т.В. Первые государства в Китае // **История Древнего мира.** Т. 1. Москва, 1982.

Тянь Вэйцзян. **Сычоу лу шанды гудай синлю** (Древние путешествия по Шелковому пути). Урумчи, 1993.

Чжунго лиши няньбяо. Цзяньбяо (Хронология истории Китая. Сокращенные таблицы). Пекин, 1994.

Шань хай цзин (Каталог гор и морей) / Предисловие, перевод с кит. и комментарий Э. Яншиной. Москва, 1977.

Хафизова К.Ш. “Му Тянь-цзы чжуань” – древнейшее свидетельство диалога культур // **Цивилизации человечества.** Алматы, 2005.